УДК 347.1

ДАННЫЕ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: МЕСТО В СИСТЕМЕ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Стерлигова Александрина Вячеславовна

аспирант

Научный руководитель: **Иванов Антон Александрович**

к.ю.н., доцент

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)

Аннотация: в статье исследуется вопрос места данных в системе объектов гражданского права в эпоху цифровой экономики.

Автор анализирует оборотоспособность данных на примере договора оказания услуг по формированию и предоставлению выборки данных и приходит к выводу, что данные (информация) являются объектом гражданских прав.

Кроме того, в статье дано авторское определение «данных» как «совокупности сведений, зафиксированных на определенном носителе в форме, пригодной для постоянного хранения, передачи и обработки, при условии, что эта совокупность сведений обладает действительной или потенциальной коммерческой ценностью». Автор полагает, что приведенная дефиниция более применима для понимания данных в гражданско-правовом аспекте.

Отсутствие законодательного закрепления информации (данных) как объектов гражданских прав в ГК РФ не мешает данным выступать в качестве объекта конкретного гражданского правоотношения.

Автор полагает, что ограничение объектов гражданских прав не будет соответствовать реалиям быстро развивающегося цифрового общества. По этой причине автор считает излишним возвращение информации (данных) в список объектов гражданских прав, поскольку в статье 128 Гражданского кодекса Российской Федерации указано и «иное имущество», к которому данные могут быть отнесены.

Ключевые слова: гражданское право, данные, информация, объекты гражданских прав, цифровая экономика.

DATA IN THE DIGITAL AGE: A PLACE IN THE SYSTEM OF OBJECTS OF CIVIL LAW

Sterligova Alexandrina Vyacheslavovna

Scientific adviser: **Ivanov Anton Aleksandrovich**

Abstract: The article deals with the role and place of data in the system of civil law objects in the era of the digital economy.

The author analyzes the turnover of data on the example of a service contract for the formation and provision of a sample of data. In this example, the author shows that data (information) is transferable. The lack of legislative consolidation of information (data) as objects of civil rights in the Civil Code of the Russian Federation does not prevent data from acting as an object of a specific civil legal relationship.

The author believes that the restriction of objects of civil rights will not correspond to the realities of a rapidly developing digital society. For this reason, the author considers it unnecessary to return information (data) to the list of objects of civil rights, since Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation also indicates "other property" to which the data can be attributed.

Key words: civil law, data, information, objects of civil rights, digital economy.

В век цифровых технологий страны по всему миру стремятся быть на гребне технологических преобразований.

По мнению ведущего научного сотрудника Отдела экономики ИНИОН РАН Положихиной М.А., «данный процесс служит основой для нового витка «технологической» гонки, призом которой являются геополитическое и геоэкономическое лидерство...многие страны начали сознательно стимулировать и регулировать развитие цифровых технологий с целью получить больше позитивных эффектов и нивелировать отрицательные последствия цифровой трансформации. По состоянию на 2015 г. программы по развитию цифровой экономики были утверждены в 15 странах, в том числе: Германии, Китае, Японии, Бразилии, США, Великобритании, Эстонии, Нидерландах, Ирландии, Швеции, Сингапуре, Филиппинах, Малайзии...» [1, с. 112].

В 2017 году в России тоже появилась «дорожная карта» для развития национального цифрового общества. Такой дорожной картой выступил указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» (далее – Указ).

Однако, несмотря на появление Указа, Россия в этом вопросе не является страной-лидером. По уровню развития цифровой экономики, определяемого на основе международного индекса цифровой экономики и общества (The International Digital Economy and Society Index, I-DESY) на 2020 год, Россия отстает от США, стран Европы и Китая.

Предполагается, что одной из причин стопорения в развитии российской цифровой экономики является юридическая неопределенность в едином подходе понимания права на данные в гражданском обороте (или, в общем понимании этого слова, на информацию).

На сегодняшний день данные являются основой для развития цифровой экономики. Количество данных стремительно растет с каждым годом. Это можно проиллюстрировать следующим примером. Согласно исследованиям аналитической компании International Data Corporation (IDC) к 2025 году объем всех данных в мире составит 175 зеттабайт. Это число примерно на 240 % больше, чем количество данных по состоянию на 2020 год. Однако рост объема данных увеличивает и их значимость в гражданско-правовом обороте. Данные становятся ключевым элементом такого оборота.

Если от цифр перейти к юридическому оформлению роли данных в России, то формальное закрепление значения данных произошло только в 2017 году в связи с появлением вышеупомянутого Указа. В Указе «данные в цифровой форме» выступают как «ключевой фактор производства», который «позволит существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг». Однако в Указе данные выступают как средство для раскрытия термина «цифровая экономика». Это, конечно, не радует, но дает надежды на «светлое будущее»: установление гражданско-правового режима данных и правил их оборота.

А.И. Савельев в своей статье «Гражданско-правовые аспекты регулирования оборота данных в условиях попыток формирования цифровой экономики информационной составляющей в современном обществе» [2, с. 60– 92] затронул две причины, по которым, по его мнению, не уделено должное внимание вопросу оборота данных. Первой причиной он считает то,

что в России нет развитого рынка данных, на основе работы которого можно было бы получить материал и сформировать модели нового правового регулирования.

Исходя из этого тезиса, можно сделать вывод, что Савельев ставит на первое место экономическую составляющую, как основу, на которой будет построено правовое регулирование.

Второй причиной А.И. Савельев считает возросшее влияние публичного права и административных методов регулирования, распространившееся на многие сферы российской общественной жизни. По его мнению, такой рост стал триггером игнорирования права частного: «слепой верой в то, что директивными методами можно решить проблемы, связанные с имплементацией новых информационных технологий, пронизана вся программа «Цифровая экономика», а поправки в ГК РФ, посвященные цифровым правам и призванные обслуживать публичное регулирование, — лишняя тому иллюстрация» [2, с. 60 – 61].

Со своей стороны, нельзя согласиться с первым аргументом А.И. Савельева. Рынок данных существует в российской практике, однако он не развит по причине консерватизма юридической системы. Купля-продажа данных между производителем датасета или иного массива данных может быть оформлена сторонами обычным договором купли-продажи/поставки или договором оказания услуг.

В качестве примера такого договора можно привести «Правила оказания онлайн-услуг по формированию и предоставлению выборки данных из Городского Информационного Справочника «2ГИС», что по сути является договором оказания услуг между ООО «ДубльГИС» и любым зарегистрированным в качестве пользователя лицом на сайте, расположенном по адресу: <https://data.2gis.com>.

Что любопытно, в данном примере договора не дается четкое определение «выборки данных». В пункте 2.3 этого договора (Рис.1) только раскрывается путь формирования «выборки данных», то есть то, что эта выборка формируется исходя из объема информации, размещённой в справочнике «2ГИС».

2.3. Выборка данных из Городского Информационного Справочника «2ГИС» формируется исходя из объема информации, размещённой в Городском Информационном Справочнике «2ГИС» на дату принятия Исполнителем Заказа.

Рис. 1. Пункт 2.3 договора ООО «ДубльГИС»

Еще интересно то, что ООО «ДубльГИС» в пункте 1.2 этого договора (Рис.2) отсылает к обычаям делового оборота и научной доктрине в случае, когда однозначное толкование термина или определения в договоре или законодательстве Российской Федерации отсутствует.

1.2. В настоящих Правилах могут быть использованы термины, определение которых не содержится в п.1.1. Правил. В этом случае толкование такого термина производится в соответствии с текстом настоящих Правил. В случае отсутствия однозначного толкования термина или определения в тексте Правил следует руководствоваться его толкованием, определенным: в первую очередь – документами, образующими Договор между Сторонами, во вторую очередь - законодательством Российской Федерации, и в последующем - обычаями делового оборота и научной доктриной.

Рис. 2. Пункт 1.2 договора ООО «ДубльГИС»

То есть в случае поиска определения термина «выборка данных» контрагенту стоит обратиться к принятой в бизнесе практике или к научной доктрине.

Таким образом, представленный договор подтверждает нашу точку зрения, что рынок обмена данными – не исключение в деловой среде.

Однако осталось определить, можно ли рассматривать данные как оборотоспособный объект, который может участвовать самостоятельно в гражданском обороте.

В теории российского гражданского права России утвердилось понимание объекта гражданского права как, прежде всего, реального блага, как материального, так и нематериального, характеризующегося оборотоспособностью и способного выступать в качестве объекта конкретного гражданского правоотношения [3, с. 26; 4, с. 182; 5, с. 269; 6, с. 275].

В традиции российского гражданского права под объектами гражданских прав принято понимать все то, по поводу чего возникает гражданско-правовое отношение – «составляет благо и имеет или может в будущем иметь интерес для управомоченного субъекта» [7, с. 123].

Кроме того, на настоящий день перечень объектов гражданских прав значительно расширяется: теперь все то, что представляет для субъекта экономический интерес, допустимо относить к числу объектов гражданских прав, уже включающих нематериальные объекты наряду с материальными предметами [8, с.45].

Объекты гражданского оборота – это свободные в обороте объекты гражданских прав. Иными словами, объекты гражданского оборота – это оборотоспособные объекты прав, в отношении которых допускаются гражданско-правовые сделки, а также переход и передача от одного субъекта к другому по иным основаниям. Однако для того, чтобы объект прав стал оборотоспособен он должен быть материально выражен, что никак не походит для данных, которые чаще выражены в нематериальной, бестелесной форме.

Из чего следует, что данные подходят под объект гражданских прав, в отношении которого могут совершаться сделки. Но ввиду нематериальности данных свойством оборотоспособности будут обладать лишь права на эти данные.

Еще одним интересным моментом остается тот факт, что единого мнения о понятии и разграничении «данные/информация» на сегодняшний момент нет. В том числе в научно-правовой доктрине нет устоявшейся точки зрения о разграничении «данных/информации».

В повседневной речи термины «данные» и «информация» часто используются как синонимы, имея в виду факты о ситуации, человеке или событии.

«Данные» и «информация» также используются как взаимозаменяемые в различных юридических контекстах. В российском законодательстве понятие информация определяется как «сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления», а дефиниция персональных данных дана в законе так: «любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу».

Таким образом, «информация» и «данные» в понимании российского законодателя представляют собой синонимы.

Однако, несмотря на кажущуюся идентичность, понятия «информация» и «данные» таковыми не являются. Информация является родовым понятием по отношению к данным [9, с.15]. Поскольку, термин информация шире, чем данные, и вбирает в себя все сведения независимо от формы их представления.

Однако действующее законодательство несовершенно, поэтому мы можем наблюдать неудачные примеры юридической техники. Так, в частности, дефиниция «персональные данные», приведенная в пункте 1 статьи 3 ФЗ Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (где сказано, что «персональные данные - любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)») является логически неверной. Данный пример ярко показывает путаницу понятий, что однозначно показывает, что «информация» и необходимость разграничения между «информацией» и «данными».

Чуть иначе складывается ситуация в зарубежных странах. Так, например, европейский законодатель раскрыл понятие «данных».

В пункте 11 статьи 2 Директивы Европейского парламента и Совета Европейского Союза 2011/83/ЕС от 25 октября 2011 г. указано, что под «цифровым содержанием» понимаются данные, произведенные и представленные в цифровой форме. В большинстве законодательных актов в европейском законодательстве превалирует термин «data», нежели чем «information», а в американском законодательстве чаще используется термин «information», нежели чем «data» (См. Закон штата Вермонт: Protection of Personal Information: Data Brokers и Закон штата Мэн: 35-A MRSA § 9301).

Из изложенного можно сделать вывод, что на сегодняшний день существует неопределенность и двусмысленность относительно значения слов «данные» и «информация», несмотря на то, что в российском правовом поле существуют законы, касающиеся отношений, возникающих при поиске, получении, передаче, производстве и распространении информации; применении информационных технологий; обеспечении защиты информации и обработке данных.

Наличие такой неопределенности является одной из причин неустойчивости гражданского оборота и, как следствие, цифровой экономики в целом.

Поэтому хотелось бы подчеркнуть значение разграничения между «информацией» и «данными», поскольку употребление этих терминов в качестве синонимов не является верным.

Стоит отметить, что вопрос о разграничении «информации», «данных», «сведений» уже поднимался в юридической литературе. М.А. Рожкова пишет, что она «не поддерживает упрощенное понимание признания равноценными информации, сведений и данных» [10, с.47] и предлагает рассматривать

обработку информации «с двух сторон – технической (охватывая различные приемы и способы передачи, накопления, хранения и иной обработки информации, не имеющей цели использования ее содержательной составляющей) и содержательной (что связано именно со смысловой составляющей информации – аналитика данных, распространение информации и проч.)» [8, с.45].

Из этого разделения «информации» Марина Александровна Рожкова предлагает считать, что «данные» – совокупность информации, объединенная и упорядоченная по какому-либо признаку, нескольким признакам или критериям» [10, с. 48].

А.И. Савельев тоже выступает за разграничение понятий «данные» и «информация». По его мнению, данные являются не разновидностью информации, а информация является результатом интерпретации данных [2, с. 70].

На наш взгляд, определения «данных», предложенные М.А. Рожковой и А.И. Савельевым, применимы исключительно для разграничения этих терминов в общеупотребимом или же техническом значении, но эти определения не несут ясности при использовании их для целей гражданского оборота. И в том и другом определении отсутствует указание на «экономическую ценность данных», несмотря на что, оба ученых отмечают экономический критерий, как один из главных для отнесения данных к объектам гражданского права.

В связи с этим, более применимой для гражданского оборота стала бы следующая дефиниция: «данные представляют собой совокупность сведений, зафиксированных на определенном носителе в форме, пригодной для постоянного хранения, передачи и обработки, при условии, что эта совокупность сведений обладает действительной или потенциальной коммерческой ценностью».

На наш взгляд, подобное определение отражает не только совокупность фактов об окружающем мире и (или) о процессах, происходящих в нем, но и акцентирует на главном признаке – коммерческой ценности, без которого ни данные, ни информация выступать в гражданском обороте не могут.

Далее логичным будем перейти к «информации» и ее месте среди объектов гражданского права.

Если обратиться к истокам появления в российском гражданско-правовом поле термина «информация», то интересным будет анализ этого вопроса,

проведенный Насоновой Е. Н. Так, в своем диссертационном исследовании ученый отметила, что «информация как объект гражданского права появилась в российском законодательстве лишь с января 1995 года. По-видимому, дореволюционная цивилистика не знала информации как объекта гражданско-правовых отношений, так как ни в одной книге или лекции по гражданскому праву начала XIX века обнаружить информацию в качестве предмета гражданского права не удалось. Работа, посвященная Римскому законодательству – Римское частное право (под ред. Новицкого И.Б. и Перетерского И.С) также не содержит сведений об информации применительно к возможности совершения с нею гражданско-правовых сделок» [11, с. 13].

Однако стоит отметить, что с гражданско-правовой точки зрения правильным будет рассматривать только ту информацию, в отношении которой возникают общественные отношения, подлежащие регулированию гражданским правом. Поскольку предметом гражданского права, по общему определению, являются взаимоотношения общественные в виде имущественно-стоимостных и личных неимущественных отношений [12, с.8].

Для гражданского права информация имеет значение в тех случаях, когда это касается вопросов оформления и реализации отношений участников гражданского оборота при осуществлении права собственности и других вещных прав, исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, договорных обязательств, а также других имущественных и связанных с ними неимущественных отношений, основанных на равенстве, автономии воли, и имущественной самостоятельности участников [13, с. 150].

В. А. Дозорцев писал, что «для обособленной информации требуется особая система регламентации, совершенно новая правовая база. Необходимым условием пуска объекта в экономический оборот является закрепление на него абсолютного права. Поскольку сведения представляют собой нематериальное знание, на них закрепляются права, относимые к числу исключительных. Но это не традиционные, а достаточно своеобразные исключительные права, и на их базе строится совершенно особый правовой режим» [14, с. 8].

Подобного взгляда придерживается и А. А. Иванов. В своем интервью для журнала «Корпоративные стратегии» Антон Александрович озвучил следующую мысль в отношении права на информацию: «...это не право собственности, это не вещное право, это не исключительное право по модели части IV ГК РФ. И это нельзя считать личным неимущественным правом. Это

право — право на информацию — по своей природе имущественное, абсолютное и... абсолютно новое» [15, с. 5].

В иностранной литературе нашлось интересное мнение профессора Лотара Детермана, который считает, что для данных не требуется создавать новые «права собственности». По его мнению, данные существуют отдельно от произведений и баз данных, являющихся объектами интеллектуальной собственности или материальных носителей, содержащих информацию (например, данные на компьютерном чипе). Профессор считает, что предоставление «права собственности» в отношении авторских произведений, баз данных и движимого имущества, было реализовано законодателями для стимулирования в них инвестиций. Однако в отношении данных – этой цели не существует [16, с. 21].

На текущий момент российским гражданским законодательством информация не закреплена как объект гражданских прав. С 2008 года (даты принятия четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации, далее – ГК РФ) информация была исключена из объектов гражданских прав.

В этой связи будет актуально замечание М. А. Рожковой, которая отметила, что «при разработке Кодекса под информацией изначально понимались лишь служебная и коммерческая тайна, и когда впоследствии отношения по этому поводу были урегулированы Федеральным законом от 29.07.2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» и главой 75 ГК РФ о секрете производства, специальное упоминание информации в ст. 128 ГК РФ, по мнению разработчиков Кодекса, стало излишним и было исключено [10, с.42].

В общем и целом Рожкова М.А. придерживается мнения, что изъятие информации из объекта гражданских прав не является проблемой действующего правового регулирования. Подобного мнения придерживается и В.О. Калятин: «представляется, что отсутствие информации в перечне объектов гражданского права в российском законодательстве вполне обоснованно и соответствует мировым тенденциям развития законодательства» [17, с. 20].

Однако на сегодняшний момент не прекращаются дискуссии касательно необходимости возвращения информации в перечень объектов гражданских прав [18, с. 64-68].

Со своей стороны необходимо отметить, что на текущее и будущее время фиксированный и ограниченный список объектов гражданских прав, к примеру, даже включающий информацию или данные, не будет отвечать многообразию объектов, возникающих в стремительно развивающемся цифровом обществе.

По этой причине нет необходимости помещать информацию (или данные) в список объектов гражданских прав. Более того, что данный список открыт и имеется отсылка к «иному имуществу», к которому, данные могут быть отнесены.

Подытожив, можно отметить, что поскольку данные на сегодняшний день занимают, а в будущем продолжат занимать весомое место в гражданском обороте ввиду значительной цифровой трансформации общества, то в действующем законодательстве необходимо:

1) разграничение между «информацией» и «данными», поскольку употребление этих терминов в качестве синонимов не является верным;

2) использование более применимой для гражданского оборота дефиниции данных как совокупности сведений, зафиксированных на определенном носителе в форме, пригодной для постоянного хранения, передачи и обработки, при условии, что эта совокупность сведений обладает действительной или потенциальной коммерческой ценностью».

В целом грамотное регулирование оборота данных повысит доверие государства, бизнеса и граждан к обмену данными. Доступ к данным и возможность их использования важны для инноваций и роста. Инновации, основанные на данных, могут принести серьезные и конкретные преимущества, в том числе для создания в нашей стране конкурентоспособной цифровой экономики.

Список литературы

1. Положихина М.А. Национальные модели цифровой экономики. Экономические и социальные проблемы России: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. экономики; ред. кол.: Макашева Н.А., гл. ред., и др. М. 2018. № 1: Цифровая экономика: Современное состояние и перспективы развития.

2. Савельев А. И. Гражданско-правовые аспекты регулирования оборота данных в условиях попыток формирования цифровой экономики // Вестник гражданского права. – 2020. – Т. 1. – № 1.

3. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М. 1940.

4. Мейер Д.И. Русское гражданское право: В 2 ч. Ч. 2. По испр. и доп. 8-му изд., 1902. М.: Статут, 1997.

5. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Часть третья: Договоры и обязательства. М.: Статут, 2003.

6. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Статут, 2005.
7. Суворов Н.С. Лекции по энциклопедии права. М., 1907
8. Рожкова М.А. Информация как объект гражданских прав // III Сибирские правовые чтения: сборник научных статей / [отв. ред. В.И. Осейчук]; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Тюменский государственный университет, Институт государства и права. — Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2019.
9. Рожкова М.А. Персональные и неперсональные данные как объекты гражданских прав // Хозяйство и право. 2019. № 5.
10. Рожкова М.А. О правовых аспектах использования технологий: MadTech (проблемы правового режима данных) // Хозяйство и право. – 2020. – № 8.
11. Насонова Е.Н. Информация как объект гражданского права: дис. канд. юрид. наук. Москва, 2001.
12. Гражданское право: Учебник. Часть I. Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М.: Проспект, 1998.
13. Снытников, А.А. Обеспечение и защита права на информацию / А.А. Снытников, Л.В. Туманова. - М.: Городец-издат, 2003, С. 150.
14. Дозорцев В.А. Информация как объект исключительного права. Статут, 2003 // Дело и право. – 1996. – № 4.
15. Иванов А.А. Нам потребуется много новых правовых конструкций // Корпоративные стратегии. – 2018. – №25.
16. Determann, Lothar, No One Owns Data. 2018. UC Hastings Research. Paper № 265.
17. Калятин В.О. Проблема охраны «сырых» данных // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. – 2020. – №2.
18. Александрова Н.С. Информация как родовое понятие некоторых объектов гражданских прав (на примере цифровых прав) // Правовая парадигма. – 2020. – №1.

© А.В. Стерлигова , 2021